

СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ

Вступительная статья Д. С. Лихачева

*Составление и подготовка текстов
Л. А. Дмитриева и Д. С. Лихачева*

*Примечания
О. В. Творогова и Л. А. Дмитриев*

**СЛОВО О ВЕЛИКОМ КНЯЗЕ ДМИТРИИ ИВАНОВИЧЕ
И О БРАТЕ ЕГО, КНЯЗЕ ВЛАДИМИРЕ АНДРЕЕВИЧЕ,
КАК ПОБЕДИЛИ СУНОСТАТА СВОЕГО ЦАРЯ МАМАЯ**

Князь великий Дмитрий Иванович со своим братом, князем Владимиром Андреевичем, и со своими воеводами был на пиру у Микулы Васильевича. Поведали нам, брат, что царь Мамай пришел на быстрый Дон, на Русскую землю, и идет к нам в землю Залесскую. Пойдем, брат, в северную сторону — удел сына Ноева Афета, от которого пошла Русь православная. Взойдем на горы Киевские, взглянем на славный Днепр, а потом и на всю землю Русскую. А оттуда посмотрим на земли восточные — удел сына Ноева Сима, от которого пошли хинове — поганые татары, басурманы. Вот они на реке на Каяле и одолели род Афетов. С той поры живет Русская земля невесело, а от Калкской битвы до Мамаева побоища тоской и печалью покрылась, плача, сыновей своих поминая: князей, и бояр, и удалых людей, которые оставили и дома свои, и богатство, и жен, и детей, и скот свой и, получив честь и славу мира сего, головы свои положили за землю за Русскую и за веру христианскую.

Сначала описал я жалость Русской земли и все остальное по книгам, а потом описал жалость и похвалу князю Дмитрию Ивановичу и брату его, князю Владимиру Андреевичу.

Соберемся вместе, братья и друзья и сыновья русские, составим слово к слову, возвеселим Русскую землю и кинем печаль на Восточные страны — в земли удела Симова, и отомстим поганому Мамаю победой, и воздадим похвалу великому князю Дмитрию Ивановичу и брату его, князю Владимиру Андреевичу. И скажем такое слово: А ведь лучше нам, братья, пачать рассказывать по-иному о славных этих нынешних повестях, о походе великого князя Дмитрия Ивановича и брата его,

Битъ Спаса на кази, вора и рече на князъ
 исече брела истушани вое естосуду.
 Болшоуе паша, в сиб со, в сиб со, в сиб со
 рое Лоборие, нуде брела и рече, в сиб со князъ
 князь ивановичъ, брата князь володимиръ, князь
 в сиб со, в сиб со, в сиб со

5) . Князъ сароки рече на рече князи,
 подала великому князю князь ивановичъ и бра
 тее володимиръ сиб со вое естосуду кня в сиб со
 князь ивановичъ брата в сиб со князь володимиръ
 сиб со что в сиб со Лоборие на кня в сиб со
 брата в сиб со кня сиб со в сиб со
 Православная, в сиб со брата в сиб со кня в сиб со
 в сиб со кня, в сиб со в сиб со, в сиб со кня в сиб со
 Лоборие кня в сиб со в сиб со кня в сиб со
 сиб со кня и в сиб со в сиб со кня в сиб со
 в сиб со кня в сиб со в сиб со кня в сиб со
 в сиб со кня в сиб со в сиб со кня в сиб со
 в сиб со кня в сиб со в сиб со кня в сиб со
 в сиб со кня в сиб со в сиб со кня в сиб со
 в сиб со кня в сиб со в сиб со кня в сиб со

князя Владимира Андреевича, а правнуки они святого великого князя Владимира Киевского. Начать рассказывать надо по делам и по былям. Вспомним давние времена, похвалим вещего Бояна, искусного гуслеяра киевского. Ведь тот вещей Боян, перебирая быстрыми своими перстами живые струны, славы пел русским князьям: первую славу великому князю Киевскому Игорю Рюриковичу, вторую — великому князю Владимиру Святославичу Киевскому, третью — великому князю Ярославу Владимировичу.

Я же помяну рязанца Софония и восхваляю песнями и гуслеярными радостными словами великого князя Дмитрия Ивановича и брата его, князя Владимира Андреевича, а внуки они святого великого князя Владимира Киевского...

А от Калкской битвы до Мамаева побоища прошло 160 лет.

И вот князь великий Дмитрий Иванович и брат его Владимир Андреевич, помолясь богу и пречистой его матери, укрепив ум свой силой, поострив сердца своим мужеством и преисполнившись ратного духа, урядили свои храбрые полки в Русской земле и помянули прадеда своего — великого князя Владимира Киевского.

О жаворонок, летняя птица, светлых дней утеха, возлети под синие облака, посмотри на могучий город Москву, воспой славу великому князю Дмитрию Ивановичу и брату его, князю Владимиру Андреевичу. Не буря ли соколов занесет из земли Залесской в поле Половецкое! На Москве кони ржут, звенит слава по всей земле Русской, трубы трубят на Коломне, бубны быют в Серпухове, стоят стяги у Дона великого на берегу, звонят колокола вечевые в Великом Новгороде. Стоят мужи новгородские у храма Святой Софии, так говоря: «Уже нам, братья, не посзеть на помощь к великому князю Дмитрию Ивановичу!» И как только слово это промолвили, уже как орлы слетелись. Нет, не орлы это слетелись — выехали посадники из Великого Новгорода, а с ними семь тысяч войска, на помощь к великому князю Дмитрию Ивановичу и брату его, князю Владимиру Андреевичу.

К славному городу Москве съехались все русские князья и говорят: «У Дона стоят татары поганые, и Ма-

май-царь у реки Мечи, между Чуровым и Михайловым, хотят реку перейти и отдать жизнь свою к нашей славе».

И сказал князь великий Дмитрий Иванович: «Брат, князь Владимир Андреевич, пойдём туда, удивим весь мир, чтобы старые рассказывали, а молодые поминали, храбрецов своих испытаем и реку Дон кровью зальём за землю за Русскую и за веру христианскую!»

И сказал всем князь великий Дмитрий Иванович: «Братья и князья русские, все мы гнездо великого князя Владимира Киевского, рождены мы не на обиду ни соколу, ни ястребу, ни кречету, ни черному ворону, ни поганому псу Мамаю».

О соловей, летняя птица, вот бы ты, соловей, выщелкал славу и великому князю Дмитрию Ивановичу и брату его, князю Владимиру Андреевичу, и двум братьям Ольгердовичам земли Литовской — Андрею и Дмитрию, да еще и Дмитрию Волынскому. Ведь они-то сыновья храбрые, кречеты в ратное время, полководцы славные, под трубами повитые, под шлемами взлелеянные, с конца коныя вскормленные, с острого меча вспосенные в Литовской земле.

Молвит Андрей Ольгердович брату своему: «Брат Дмитрий, оба мы с тобой братья, сыновья Ольгердовы, внуки Гедиминовы, а правнуки Сколомендовы. Соберем, брат, милых папов удалой Литвы, храбрых удальцов, сядем на своих борзых коней и посмотрим на быстрый Дон, попьем из него шлемом воды, испытаем свои мечи литовские о шлемы татарские, а сулицы немецкие — о байданы бусурманские!»

И говорит ему Дмитрий: «Брат Андрей, не пощадим жизни своей за землю Русскую и за веру христианскую и за обиду великого князя Дмитрия Ивановича! Уже ведь, брат, стук стучит и гром гремит в каменном городе Москве. То ведь, брат, не стук стучит, не гром гремит: стучит сильная рать великого князя Дмитрия Ивановича, гремят удальцы русские золочеными доспехами и червлеными щитами. Седлай, брат Андрей, своего борзого коня, а мои кони уже готовы — наперед твоих оседланы. Выедем, брат, в чистое поле и посмотрим свои полки — сколько, брат, с нами храброй литвы. А храброй литвы с нами — 70 тысяч латников. Вот уже, брат мой, подули сильные ветры с моря на устья Дона и Днепра,

принесли тучи великие на Русскую землю. Из туч этих выступают кровавые зори, а в них трепещут синие молнии. Быть стуку и грому великому у речки Непрядвы, меж Доном и Днепром, пасть трупам человеческим на поле Куликове, пролиться крови у речки Непрядвы!»

Вот уже заскрипели телеги меж Доном и Днепром: идет хинова на Русскую землю! Набежали серые волки от устья Дона и Днепра и воют, став у реки у Мечи, хотят кинуться на Русь. То ведь не серые волки — пришли поганые татары, хотят пройти войной всю Русскую землю.

Тогда гуси загоготали и лебеди крыльями всплескали. То ведь не гуси загоготали и не лебеди крыльями всплескали: это поганый Мамай пришел на Русскую землю и войска свои привел. А уже беды их подстерегают крылатые птицы, летаючи под облаками, вороны неумолчно грают, а галки по-своему говорят, орлы клекочут, волки грозно воют, и лисицы брешут: кости чуют.

Русская земля, ты теперь как за царем Соломоном побывала!

А уже соколы и кречеты, белозерские ястребы рвутся из золотых колодок из каменного города Москвы, обрывают шелковые путы, взвиваясь под синие небеса, звеня золочеными колокольчиками на быстром Дону, хотят ударить на великие стаи гусиные и лебединые, — то богатыри и удальцы русские хотят ударить на великие силы поганого царя Мамай.

Тогда князь великий Дмитрий Иванович, вступив в золоченое стремя, сел на своего борзого коня и, взяв меч в правую руку, помолился богу и пречистой его матери. Солнце ему ясно с востока сияет и путь добрый ему предвещает, а святые Борис и Глеб молятся за успех потомков своих.

Что шумит, что гремит рано перед зорями? Князь Владимир Андреевич полки расставляет и ведет их к быстрому Дону. И молвил он брату своему, великому князю Дмитрию Ивановичу: «Не ослабевай, брат, перед погаными татарами, — ведь уже поганые поля русские топчут и вотчину нашу отнимают!»

И говорит ему князь великий Дмитрий Иванович: «Брат Владимир Андреевич, мы с тобой братья, а потомки мы великого князя Владимира Киевского. Воево-

ды уже у нас назначены — 70 бояр, и крепки князя белозерские Федор Семенович и Семен Михайлович, да и Микула Васильевич, да еще и двое братьев Ольгердовичей, да и Дмитрий Волынский, да Тимофей Волуевич, да Андрей Серкизович, да Михайло Иванович, а воинов с нами — триста тысяч латников. А восводы у нас надежные, а дружина прославленная, и под нами кони борзые, а на нас доспехи золоченые, а шлемы черкасские, а щиты московские, а сулицы немецкие, а кинжалы франкские, а мечи булатные. А дороги и броды воинам ведомы, и готовы они головы свои положить за землю за Русскую и за веру христианскую. Как живые трепещут стяги, жаждут воины себе чести добыть и имя прославить».

Уже ведь те соколы и кречеты и белозерские ястребы за Дон быстро перелетели и ударили на великие стаи гусиные и лебединые. То ведь были не соколы и не кречеты — то наехали русские князя на силу татарскую. Затрещали копья харалужные, зазвенели доспехи золоченые, застучали щиты червлёные, загремели мечи булатные о шеломахиновские на поле Куликове, у речки Непрядвы.

Почернела земля под копытами, костями татарскими поля засеяны и кровью политы. Могучие полки сошлись вместе, и потоптали холмы и луга, и замутили реки, потоки и озера. Кликнуло Диво в Русской земле, велит послушать грозным землям. Понеслась слава к Железным Воротам, и к Ворнавичам, к Риму, и к Кафе по морю, и к Тырнову. И оттуда к Царьграду на похвалу князьям русским: Русь великая одолела рать татарскую на поле Куликове, у речки Непрядвы.

На том поле сошлись тучи великие, а из них всё сверкали молнии и гремели громы великие. То ведь сошлись русские сыны с погаными татарами за свою обиду. А сияли их доспехи золоченые, и гремели русские князя мечами булатными о шлемы хиновские.

И бились с утра до полудня в субботу на рождество святой богородицы.

Не туры возрыкали у Дона великого на поле Куликове. И не туры побеждены у Дона великого, а посечены князя русские, и бояре, и воеводы великого князя Дмитрия Ивановича, побиты погаными татарами князя

белозерские: Федор Семенович, да Семен Михайлович, и Тимофей Волуевич, и Микула Васильевич, да Андрей Серкизович, да Михайло Иванович и еще много иных дружинников.

Пересвета-чернеца, брянского боярина, на судное место привели. И сказал Пересвет-чернец великому князю Дмитрию Ивановичу: «Уж лучше нам посеченным быть, чем пленным быть погаными татарами». Так вот Пересвет и поскакивает на своем борзом коне и златым доспехом посвечивает, а другие лежат посечены у Дона великого на берегу.

Хорошо бы в то время старому помолодеть, а молодому силу свою испытать. И говорит Ослябя-чернец брату своему Пересвету-старцу: «Брат Пересвет, вижу на теле твоём раны тяжкие, уже слететь, брат, голове твоей на траву ковыль, и моему сыну Якову лежать на зеленой ковыль-траве на поле Куликове, у речки Непрядвы за веру христианскую, и за землю Русскую, и за обиду великого князя Дмитрия Ивановича».

И в то время по Рязанской земле около Дону ни пахари, ни пастухи в поле не кличут, но только всё вороны грают над трупами человеческими. Страшно и жалостно в то время слышать, что и трава кровью полита, и деревья от печали к земле склонились.

И заехали птицы жалобные песни — заплакали все княгини, и боярыни, и все воеводские жены о убитых. Жена Микулы Васильевича Марья на рассвете плакала, на стене Москвы-города причитала: «О Дон, Дон, быстрая река, прорыла ты горы каменные и течешь в землю Половецкую. Прилелей же господина моего Микулу Васильевича ко мне». А жена Тимофея Волуевича Федосья тоже плакала, так причитая: «Вот уже все мое поникло в славном городе Москве, и уже не увижу я своего государя Тимофея Волуевича в живых». А Андреева жена Марья и Михайлова жена Аксинья на рассвете плакали: «Вот уже обеим нам померкло солнце в славном городе Москве, донеслись к нам с быстрого Дона полоянские вести, принесли великую беду: сошли наши удальцы с борзых коней на судном месте на поле Куликове, на речке Непрядве. А Диво уже кличет под саблями татарскими, а русские богатыри изранены».

Тут воспели щуры на рассвете жалобные песни на

стенах Коломенских в воскресенье, на Акима и Анны день. То не щуры воспели на рассвете жалобные песни — заплакались жены коломенские, так причитая: «О Москва, Москва, быстрая река, зачем унесла ты мужей наших от нас в землю Половецкую?» Причитали они: «Можешь ли ты, господин великий князь, веслами Днепр загородить, Дон шлемами вычерпать, а Мечу-реку запрудить трупами татарскими? Замкни же, государь великий князь, Оке-реке ворота, чтобы больше поганые татары к нам не сздили. Уже мужья наши от ратей устали!»

В тот же день субботний на рождество святой богородицы посекали христиане поганые полки на поле Куликове, у речки Непрядвы.

И, кликнув громко, князь Владимир Андреевич скакал со своей ратью на полки поганых татар, золоченым своим шлемом посвечивая. Гремят мечи булатные о шлемы хиновские.

И хвалит он брата своего, великого князя Дмитрия Ивановича: «Брат Дмитрий Иванович, во время это злое ты нам — словно крепкая стена. Не медли, князь великий, со своими могучими полками, не потакай крамольникам! Уже ведь поганые татары поля наши топчут и храброй дружины нашей немало побили, а через трупы человеческие борзые кони скакать не могут, в крови по колена бродят. Горестно, брат, видеть кровь христианскую. Не медли, князь великий, со своими боярами!»

И говорит князь великий Дмитрий Иванович своим боярам: «Братья, бояре и воеводы и дети боярские, тут вам не ваши московские сладкие меды и великие места. Добывайте здесь, на поле брани, места себе и женам своим. Тут, братья, старый должен помолодеть, а молодой чести добыть!»

И воскликнул князь великий Дмитрий Иванович: «Господи боже мой, на тебя уповаю, да не будет на мне позора во веки, да не посмеются надо мной враги мои!» И помолился он богу и пречистой его матери и всем святым, и прослезился горько и утер слезы.

И тогда точно соколы полетели стремглав на быстрый Дон. То не соколы полетели, то скачет князь великий Дмитрий Иванович за Дон, со всей силою своею.

И говорит: «Брат, князь Владимир Андреевич, тут, брат, изопьем медовые чары поведенные, наедем, брат, со своими сильными полками на рать поганых татар».

Тогда начал наступать князь великий. Гремят мечи булатные о шлемы хиновские, а поганые басурманы головы свои руками прикрывают. И поспешно поганые отступают. Ревут стяги великого князя, бегут поганые, а русские сыны поля широкие кликом огородили и золочеными доспехами осветили. Уже стал тур в обороне.

Тогда князь великий Дмитрий Иванович и брат его, князь Владимир Андреевич, полки поганых назад повернули и начали их бить и сечь жестоко, ужас на них наводя. И князья их низверглись с коней, и татарскими трупами поля засеялись, и реки кровью их потекли. Тут поганые рассыпались в смятении и побежали непроходимыми дорогами в Лукоморье, и скрежещут они зубами своими, и царапают лица свои, так причитая: «Уже нам, братья, в земле своей не бывать и детей своих не видать, а жен своих не ласкать, а ласкать нам сырую землю и целовать зеленую мураву, а на Русь ратью нам не хаживать и даней-выходов нам у русских князей не испрашивать». И уже застонала земля татарская, бедами и печальями охвачена, пропала охота у царей и князей их на Русскую землю ходить. А веселья у них и в помине нет.

Уже сыны русские захватили татарские убранства дорогие, и доспехи, и коней, и волов, и верблюдов, и вина, и сахар, и драгоценности; шелка везут женам своим. И вот русские жены забряцали татарским золотом.

Уже всюду на Русской земле веселье и ликование. Вознеслась слава русская над хулой поганых. Уже низвергнуто Диво на землю, а гроза и слава великого князя Дмитрия Ивановича и брата его, князя Владимира Андреевича, по всем землям текут.

Стреляй, князь великий, по всем землям, стреляй, князь великий, со своей храброй дружиной поганого Мамай-хиновина за землю Русскую, за веру христианскую. Уже поганые оружие свое побросали и головы свои склонили под мечи русские. И трубы их не трубят, и унылы голоса их.

И отскочил поганый Мамай от своей дружины серым волком и прибежал к Кафе-городу. И молвили ему фряги: «Что же это ты, поганый Мамай, посягаешь на Русскую землю? Ведь побил тебя орда Залесская. А не бывать тебе Батыем-царем. У Батыя-царя было четыреста тысяч латников, и пополнил он всю землю Русскую от востока и до запада. А казнил бог Русскую землю за ее грехи. И ты пришел на Русскую землю, царь Мамай, со многими силами, с девятью ордами и 70-ю князьями. А ныне ты, поганый, бежишь сам-девять в Лукоморье, не с кем тебе зиму зимовать в поле. Видно, крепко тебя князья русские подчивали: нет с тобою ни князей, ни воевод! Видно, сильно упились у быстрого Дона на поле Куликове, на траве ковыле! Беги-ка ты, поганый Мамай, от нас!»

Подобна земля Русская милому младенцу у матери своей: его мать ласкает, а война лозой казнит, а добрые дела превозносятся. Так и господь бог помиловал князей русских, великого князя Дмитрия Ивановича и брата его, князя Владимира Андреевича, на поле Куликове, на речке Непрядве, между Доном и Диспром.

И стал великий князь Дмитрий Иванович со своим братом, князем Владимиром Андреевичем, и с остальными своими воеводами на поле Куликове, у речки Непрядвы. Страшно и горестно, братья, в то время было смотреть: лежат трупы христианские как сенные стога на берегу Дона великого, а Дон-река три дня кровью текла. И говорит князь великий Дмитрий Иванович: «Посчитайте, братья, сколько у нас воевод нет и сколько молодых людей». Тогда говорит Михайло Александрович, московский боярин, князю Дмитрию Ивановичу: «Господин князь великий Дмитрий Иванович! Нет, государь, у нас 40 бояр московских, 12 князей белозерских, 30 новгородских посадников, 20 бояр коломенских, 40 бояр серпуховских, 30 панов литовских, 20 бояр переяславских, 25 бояр костромских, 35 бояр владимирских, 50 бояр суздальских, 40 бояр муромских, 70 бояр рязанских, 34 бояр ростовских, 23 бояр дмитровских, 60 бояр Можайских, 30 бояр звенигородских, 15 бояр угличских. А посечено от безбожного Мамаю двести пятьдесят тысяч и три тысячи. И помиловал бог Русскую землю, а татар пало бесчисленное множество».

И сказал князь великий Дмитрий Иванович: «Братья бояре и князья и дети боярские, то вам судное место между Доном и Днепром, на поле Куликове, на речке Непрядве. Положили вы головы свои за землю за Русскую и за веру христианскую. Простите меня, братья, и благословите и в этой жизни и по смерти.

Пойдем, брат, князь Владимир Андреевич, в свою Залесскую землю к славному городу Москве и сядем, брат, на своем княжении; а чести, брат, добыли и славного имени.

Богу нашему слава!»